

Оттец
~~БОСС~~
В КВАДРАТЕ

ЯНА ЮМАТОВА

Яна Юматова

Босс-отец в квадрате

«Автор»

2026

Юматова Я.

Босс-отец в квадрате / Я. Юматова — «Автор», 2026

— Держи, это твой сын.— Не понял— Ре-бё-нок! Ты стал папочкой!
Поздравляю, — Лера протягивает мне толстый конверт, а на стол ставит сумку. — Здесь ДНК-тест и свидетельство о рождении. В графе «отец» — твоё имя. Фамилия у ребенка тоже твоя. В сумке немного подгузников, сменной одежды и бутылочка с грудным молоком. Я улетела в Милан, чао!..***Моя бывшая ошарашила известием о ребенке, но на этом сюрпризы не закончились! Потому что на следующее утро я проснулся в квартире уже с двумя младенцами и очаровательной ассистенткой впридачу!

© Юматова Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Яна Юматова

Босс-отец в квадрате

Глава 1

Мирон

Под конец рабочего дня мечтаю только об одном — закрыть ноутбук, послать к чёрту несговорчивых партнеров и, наконец, выбрать ресторан, где меня будут ждать стейк и улыбающаяся блондинка. Я уже почти тянусь к телефону, когда дверь моего кабинета распахивается без стука.

— К Мирону Александровичу нельзя! - слышу вопль секретарши и с удивлением и досадой смотрю на свою бывшую, бодро цокающую каблуками к моему столу.

Валерия. Восхитительная, самовлюбленная стерва с ногами от ушей, с которой у меня был ровно тот роман, который и должен был быть: страстный, яркий и быстротечный. Как только она начала намекать на свадьбу, я тут же закончил отношения, подарив ей на прощание новенький автомобиль. Мне казалось, я ясно дал понять, что между нами ничего, кроме секса быть не может.

Но сейчас она стоит в моём кабинете. Красивое лицо с безупречным макияжем, губы надулись в привычной издевательской усмешке. А в руках... детская люлька.

— Держи, — она ставит её прямо на диван, как будто вручает мне коробку с пиццей. — Это твой сын. Марк.

ЭТО у меня в голове гудит или в моем кабинете внезапно появилась трансформаторная будка?

— Чего? — мой голос звучит слишком грубо.

— Ребёнок, Мирон. Ты стал папочкой! Поздравляю, — она протягивает мне толстый конверт, а на стол ставит сумку - с такими обычно мамочки ходят. — ДНК-тест и свидетельство о рождении. В графе «отец» — твоё имя. Фамилия у ребенка тоже твоя. В сумке немного подгузников, сменной одежды и бутылочка с грудным молоком.

В люльке, проснувшись, начинает орать крошечный комочек. Красное сморщенное лицо, крошечные кулачки, и такой крик, что стеклянные стены офиса дрожат.

— Я, конечно, погорячилась, решив сохранить беременность, — продолжает Валерия, словно речь идёт о покупке неудачного платья. — А теперь у меня контракт с агентством в Милане. Ты понимаешь, что такое Милан? — она щелкает пальцами, как будто отгоняет назойливую муху. — Да и к тому же, мать из меня никакая. А мальчику нужно отцовское воспитание.

— Ты... — у меня пересыхает во рту. — Ты серьёзно?

— Абсолютно. Всё, мне пора. — Она откидывает волосы назад, легко, по-модельному. — Кстати, я оставила разрешение на вывоз ребенка за границу. Вдруг ты решишь стать примерным папочкой и возить ребенка на нормальное море. Все, пока.

И она уходит. Просто. Захлопывает за собой дверь.

А я все еще в ступоре. Наедине с люлькой и орущим младенцем.

— Чёрт... — я опускаюсь на край дивана и смотрю на него. — Ну и что мне теперь с тобой делать, а?

Ребёнок не отвечает. Он только кричит так, будто пытается разорвать мои барабанные перепонки.

Я жму кнопку на телефоне:

— Алина! Ко мне. Срочно.

Через минуту в кабинет влетает моя секретарша. Хрупкая, всегда собранная, с папками под мышкой. Но сейчас она в шоке: глаза округляются, когда она видит младенца.

— Господи, это что?!

— Это... — я провожу рукой по лицу. — Это, мать его, мой сын.

Она моргает. Но потом, к моему удивлению, подходит к люльке, берёт малыша на руки — и он сразу начинает затихать. Я сижу, открыв рот. Какого чёрта? Я с ним пять минут, и всё без толку. Она — тридцать секунд, и ребёнок уже не орёт в полную силу.

— Ему нужно поесть, — спокойно говорит Алина, покачивая малыша. — У вас есть бутылочка?

Я протягиваю одну из тех, что оставила Валерия. Она легко открывает и кормит ребёнка. Я смотрю на это как идиот.

— Через пару часов он снова захочет есть, — добавляет она, поглаживая малыша по спине. — Нужно купить питание. Вы знаете, какое?

— Да откуда мне знать?! — я взрываюсь. — Я детей не заводил никогда.

Алина морщится, но промолчит. Я вижу, как ее пальцы чуть крепче прижимают ребёнка к себе.

— Ладно, — говорю я. — Срочно найди няню. Круглосуточную. А лучше трех.

Она кивает и исчезает из кабинета.

Через час я уже в машине. Ребёнок спит на заднем сиденье, водитель смотрит на меня в зеркало с выражением тихого ужаса.

— Остановись у аптеки, — говорю я. — Купи ему самое лучшее питание.

Он уходит и возвращается с банкой смеси.

— Сказали, это номер один, премиум, без пальмового масла.

Я киваю, хотя мне абсолютно плевать на масло. Но через два часа, дома, когда я развожу смесь по инструкции и пытаюсь накормить ребенка, все идет к черту.

На его щеках тут же выступает красная сыпь. Малыш начинает орать так, будто его режут.

Я в панике. Сгребая его в охапку и мчусь в ближайшую скорую.

— Аллергия, — говорит медсестра. — Уберите вашу смесь. Попробуйте вот эту. Но лучше ищите кормилицу.

— Кормилицу? — я рычу. — А где я, мать вашу, должен ее взять, на чёрном рынке?

Медсестра пожимает плечами, разводит смесь и даёт малышу. Тот ест, успокаивается и засыпает.

Я выдыхаю. Беру его снова на руки. Смотрю на это маленькое лицо. Такое сморщенное, но живое. Надо же, у меня есть сын...

Уже в машине я вспоминаю, что забыл в офисе ноутбук.

— Заедем обратно, — говорю водителю.

Он кивает. Я оставляю ребёнка в машине и поднимаюсь в кабинет.

Достаю ноутбук со стола. Оборачиваюсь — и замираю.

На диване стоит люлька. И в ней — новорождённый мальчик.

Застываю на месте, как вкопанный, потому что реально думаю, что словил белку, хоть и не пил.

— Да что за... — шепчу я.

И не могу сделать ни шага.

Глава 2

Мирон

Я не двигаюсь. Стою, уставившись на диван, где снова — люлька. И снова — ребёнок.

У меня пересыхает во рту. Сердце колотится так, будто я только что пробежал марафон.

Это же невозможно. Мой Марк спит в машине с водителем. А здесь... точь-в-точь такой же малыш.

Я делаю шаг. Второй. Подхожу ближе, смотрю. Милый спящий малыш в голубом комбинезончике, который я сегодня уже видел. Клянусь, я готов поклясться, что это тот же самый ребёнок.

Рука сама тянется, но вдруг за спиной раздаётся тихий, испуганный женский голос:

— Ой... извините. Я не знала, что вы здесь.

Резко оборачиваюсь.

В дверях кабинета стоит невысокая девушка. В руках у неё пачка подгузников, а на лице горят изумрудами заплаканные глаза. И вид у нее такой, будто готова провалиться сквозь землю.

— Вы кто? — голос у меня хриплый, и в нём больше приказа, чем вопроса. — И что здесь делаете ночью, в моем офисе?

Девушка подходит к люльке, осторожно берёт ребёнка и прижимает к себе. Движения уверенные, материнские. И малыш начинает тихонько копошиться, кряхтеть.

— Меня зовут Варвара, — тихо говорит она. — Я... ассистентка в юридическом отделе. А оказалась здесь случайно, просто... так сложились обстоятельства. Простите, что помешала. Мы уже уходим.

Она спешно возвращает малыша в переноску и начинает складывать какие-то вещи в спортивную сумку.

— Что значит «так сложились обстоятельства»?

Она сжимает губы, и я вижу, как дрожат ее пальцы.

— Простите... просто... у меня дома небезопасно. Муж... он сегодня пришел пьяный, был скандал. Я... испугалась за сына и ушла. Ночевать нигде. Я вспомнила про офис, у меня еще есть пропуск, я ведь работаю дистанционно. Думала, никому не помешаю. Простите.

Она говорит быстро, почти шепчет. Глаза полные слез.

Малыш в переноске начинает плакать. Варя шепчет ему что-то успокаивающее и виновато смотрит на меня:

— Извините, пожалуйста... Он проголодался. Я покормлю его и мы сразу уйдем. Только не увольняйте меня. Мне очень нужна эта работа.

И тут до меня доходит, что она собирается кормить ребенка прямо сейчас. Она краснеет и просит:

— Не могли бы вы... отвернуться?

Я моргаю. Всё это кажется каким-то бредовым сном. Но все же отворачиваюсь к окну. Слышу, как малыш причмокивает, как Варвара что-то шепчет ему. Через пару минут в моем кабинете тишина.

Когда я оборачиваюсь, мальчик уже спит, прижавшись к ней. Варя аккуратно укладывает его в переноску и поправляет одеяло. И в этот момент мне самому становится не по себе.

— Понимаете, у меня безвыходная ситуация. Родственников нет в Москве, а знакомых не хотела беспокоить на ночь глядя - у всех же семьи. Если бы я знала, что вы работаете допоздна, никогда бы не вторглась в ваш кабинет. Простите, пожалуйста. Я придумаю что-нибудь. На вокзале же есть комната матери и ребенка... Точно! как же я не догадалась сразу! - она хлопает себя по лбу и вновь смотрит на меня с мольбой. - Только не увольняйте меня... Пожалуйста...

Она не выдерживает и начинает плакать. Тихо, почти беззвучно, но эти слезы как нож по нервам.

В этот момент в кармане вибрирует телефон.

— Мирон Александрович, — голос водителя напряженный, — ваш мальчик проснулся. Кричит. Что делать?

— Поднимай его сюда, — приказываю я.

Через пару минут водитель входит в кабинет с люлькой, где орет мой сын. Вынимаю мальчика и пытаюсь успокоить. Блин, подгузник, наверное, поменять нужно. Кладу ребенка на стол и пытаюсь справиться с молнией на комбинезончике. Какой идиот придумал такую конструкцию! Я чувствую себя дебилом безруким.

— Черт!- срывается ругательство.

— Разрешите? - слышу рядом голос Вари.

Я молча отступаю. И за две секунды она ловко меняет подгузник моему сыну. Но он все равно плачет. Варя мягко гладит его по животику, качает:

— Ты, миленький, наверное, голодный? У вас есть смесь?

— От смеси у него аллергия, — выдыхаю я. — Я не знаю, чем его кормить.

Варя колеблется. Потом поднимает глаза:

— Если вы не против... я могу покормить его грудью. У меня много молока, моему Феденьке хватает, даже остается.

Я чувствую, как у меня перехватывает дыхание. Ситуация слишком странная, слишком интимная.

— Ну... если это поможет... — говорю я и отворачиваюсь.

Слышу, как малыш стихает. Ест. Потом засыпает.

Когда я оборачиваюсь, Варя уже укладывает моего сына в люльку, поправляет одеяло. Начинает торопливо собирать свои вещи.

— Простите, что доставила вам хлопоты. Мы уходим.

Она берёт переноску, подходит к двери. И уже на пороге я говорю твердо, громко:

— Стоять.

Она оборачивается.

— Варя, — я смотрю ей прямо в глаза, — ты едешь со мной...

Глава 3

Варвара

С каждой секундой, что я нахожусь в этом автомобиле, неловкость проникает всё глубже в мое тело и сознание. Не могу понять, что со мной происходит. В голове звучит одно слово: *странно*. Всё вокруг кажется смазанным, как будто я не живу, а только наблюдаю за чужим фильмом.

Мирон Александрович Пронин молчит, его взгляд устремлён вперёд, а я чувствую, как его молчание заполняет пространство. Он не смотрит на меня, а вот я украдкой его рассматриваю.

До сегодняшнего вечера я никогда не встречалась лично и уж тем более не разговаривала с владельцем крупной компании, где работаю. Его лицо раньше я видела только на корпоративном сайте и в журналах. И должна сказать, что в жизни он гораздо более харизматичный, чем на фото. На пару мгновений зависаю на выражении его лица — строгом и отстраненном, как будто мир — это всего лишь набор правил, которым нужно подчиняться. А я, видимо, стала частью его очередной ситуации.

Но по мере того как мы подъезжаем к его дому, я чувствую, как вся эта холодная внешность Пронина тает. Его дом — это не просто стены, пол и потолки. Это какой-то остров, который мне невозможно понять, но который внезапно затягивает своей роскошью и своей непривычной теплой тишиной.

Босс ведет меня в квартиру, и каждый шаг, каждый взгляд на этот простор — как удар молнии. Мне страшно наступить своими дешевыми кроссовками на пол, который сверкает, как зеркало.

— Это твоя комната, — говорит Мирон Александрович, открывая дверь.

А я не могу сдержать удивленный и восхищенный вздох. Эта комната больше, чем вся моя квартира, в которой я жила с мужем и Федей. Огромная и светлая. Я чувствую, как моё сердце сжимается от этой роскоши. Что я здесь делаю? Кто я в этом месте?

Мой сынок спит, посасывая кулачок, и я осторожно укладываю его на кровать. Сердце сжимается от того, каким маленьким он выглядит, таким беспомощным. На его личике застыла та умиротворенная улыбка, которую я так часто видела только в своих мечтах о спокойной жизни. Я вытираю глаза, пытаюсь не дать себе поддаться чувствам.

В переноске, которую держит Пронин, малыш начинает ворочаться и кричать.

— Пойду поменяю подгузник ему, — немного нервно объявляет босс и направляется в соседнюю комнату.

Скидываю пальто, обкладываю Феденьку подушками, чтобы не упал с кровати, и спешу в соседнюю комнату. Как раз вовремя! Мирон неловко берет малыша на руки, пытается сменить подгузник. Но видно, что он путается.

— Давайте я, — тихо говорю, подходя к нему. Его взгляд — изумленный и немного растерянный, но в нем проскальзывает благодарность и облегчение. Он передает мне мальчика.

Я меняю подгузник и даю малышу грудь. Он затихает и засыпает у меня на руках.

— Как его зовут? — тихо спрашиваю.

— Марк, — в голосе Пронина жуткая усталость.

Хочу спросить, где мама Марка, но вовремя прикусываю язык. Нечего лезть туда, куда не просят.

— Не покажете мне, где кухня? — спрашиваю я, голос почти не слышен. — Умираю, как чаю выпить хочется, — пытаюсь улыбнуться, но выходит как-то не очень.

— Конечно, пойдемте.

Кладу Марка на кровать и повторяю все действия с подушками и иду за Мироном.

— Вот кухня, в шкафчиках найдете чай, сахар, кофе. Если голодны - то в холодильнике полно еды, - он растерянно смотрит как будто сквозь меня, а потом добавляет, - спокойной ночи, Варя.

Когда он уходит, я выдыхаю. Все-таки невозможно не нервничать, когда сам большой босс сначала ловит тебя в своем кабинете, а потом ты ночуешь в его квартире.

Мои размышления прерывает громкое урчание в животе, и я вспоминаю, что ела только в обед.

Рот мгновенно наполняется слюной, требуя еды.

Открываю холодильник и с восхищением рассматриваю его содержимое: сыр, запеченная курица, копченая красная рыба, овощи, зелень, творог, сметана, боже мой, даже ряженка есть!

Голод накрывает с такой силой, что я хватаю курицу и огурцы и в бешеном темпе сооружаю бутерброд. Откусываю и с наслаждением жую, ощущая, как руки перестают дрожать.

— Так вкусно? - раздается вдруг голос, и я вздрагиваю от неожиданности.

— Что? - оборачиваюсь и тарашу глаза на босса.

— Вы стонали кажется, - он улыбается краешком рта.

— Простите... - мои щеки заливают краска. - Просто проголодалась жутко.

— А я вот тоже вспомнил, что остался без ужина, — он садится напротив. - Угостите меня?

— Конечно! - быстренько делаю и ему сэндвич и наливаю чай.

— Очень даже! - хвалит Мирон, когда бутерброд исчезает с его тарелки.

— Да ничего особенного, - отмахиваюсь и горю от смущения.

— И все-таки, что у тебя случилось, Варя? И почему ты ушла с грудным ребенком из дома на ночь глядя? - босс внимательно на меня смотрит и ждет ответа.

— Муж стал пить и потерял работу, — произношу это с болью. — Но лучше сначала начну... мы долго пытались завести ребенка, но ничего не получалось. Муж не хотел, чтобы мы делали ЭКО. Говорил, что в клинике всегда все путают и оплодотворяют чужой спермой, а потом выясняется, что настоящий отец ребенка какой-нибудь миллиардер.

— Ну в клиниках с этим строго, ошибки исключены в 99,9%, - Мирон говорит это с таким уверенным видом, как будто лично проверяет все пробирки с стране. - Я изучал этот вопрос, когда хотел стать донором.

Мозг цепляется за эту информацию, но сразу же отпускает, возвращаясь к печальным событиям моей жизни.

— В итоге я уговорила мужа на ЭКО. И сначала все было хорошо, Валера даже немного радовался. Но потом его снова стала преследовать навязчивая идея, что мою яйцеклетку оплодотворили спермой другого мужчины, и что когда это выяснится, то я сбегу к богачу вместе с ребенком. Я пыталась справиться, пыталась жить с этим, но... не могла. После того как родился Федя, он сказал, что ребенок на него не похож. Он начал говорить, что это не его сын. И в какой-то момент... он ударил меня. Я не могла больше... Я ушла, потому что я боялась. Боялась за сына.

Я чувствую, как мне становится тяжело, когда произношу эти слова, но продолжаю:

— И вот сегодня он снова пришел пьяный. Я не могла остаться. И просто убежала...

Мирон молчит. И в его молчании я понимаю, что он что-то решил.

— Варя, ты мне очень поможешь, если будешь няней для моего сына. Я буду платить тебе зарплату и предоставлю бесплатное жилье и питание. Для тебя и твоего ребенка.

Мои глаза округляются, наверное, до размера блюдца. Я не могу поверить. Слишком щедро и очень вовремя. Мне ведь некуда больше идти. Это предложение - настоящее спасение для меня и Феденьки.

— Спасибо, — снова хочется плакать, но теперь уже от радости. А еще хочется броситься на шею боссу и расцеловать его за доброту, но я сдерживаюсь.

— По поводу работы в юр отделе - там мы оформим тебе отпуск, - добавляет он и снова у меня гора с плеч.

— Спасибо, Мирона Александрович, вы меня просто спасли!

— Еще неизвестно, кто кого спас, Варя...

Лежа в кровати и слушая сопение Феденьки, снова думаю о том, как мне повезло.

Вдруг за стенкой слышу детский плач и сердце колет от жалости. Что бы ни произошло и где бы ни была его мать, малышу нужно женское тепло и забота.

Тихонько вхожу в спальню Мирона и забираю Марка, даю ему грудь, чтобы он успокоился, и хочу выйти. Но против воли задерживаюсь взглядом на спящем мужчине. Расслабленное лицо, мощный торс, на котором луна подсвечивает все рельефы. Мой босс - настоящий красавчик, даже удивительно, что в его постели нет никого...

Тут же ругаю себя за такие мысли и спешу к себе с Марком на руках.

Глава 4

Мирон

Сижу в ресторане, нервно барабанив пальцами по столу. Друг ещё не приехал, а я с каждым моментом всё больше думаю о том, что произошло за последние несколько дней. В голове непроизвольно прокручиваются образы — Варя, её изумрудного цвета глаза, в которых столько теплоты и любви, что у меня в груди щекочет от чувств, её улыбка, от которой сразу вокруг все становится светлее. И как она со своим сыном и моим Марком управляется, делает всё так естественно и уверенно, что я удивляюсь: как можно быть такой женщиной? Как она управляется с этим миром, в который, я ее случайно вплел?

Она только сегодня ночью укладывала Марка, и я вдруг осознал, как мне стало приятно видеть, как она заботится о нем, как она действует без запинки и без страха. Кажется, все происходящее — это часть какой-то новой реальности, в которую я сам не могу поверить. Привычный, холодный бизнесмен, который всегда сдерживал свои чувства, вдруг стал чувствовать то, что раньше отвергал. Уют, тепло... домашний комфорт. И это меня пугает. Почему? Почему мне вдруг начинает нравиться, когда она спрашивает, хочу ли я чаю, когда она встречает меня с работы, хотя по сути, ей этого делать не нужно? Ведь у меня есть все: экономка, кухарка, горничные. Но с Варей — это по-другому. Даже чай вкуснее из ее рук.

Я вдруг осознаю, что мне не хватает ее присутствия. Нет, не так — мне не хватает того, как она живет в моем доме. Как она везде находит место для себя. Как она помогает мне и моему сыну. У Марка исчезла аллергия, а педиатр, которого я вызвал на дом, довольно сообщил, что малыш растет и развивается нормально.

Я, кажется, в первый раз в жизни чувствую, что действительно становлюсь отцом. И как же мне нравится эта мысль. Даже если я сам ее не осознавал, но Варя своим присутствием помогла мне это понять.

Все это странно. Я всегда говорил себе, что семья, дети — не для меня. Я говорил, что для успешного человека в этом мире нет места уюту. Но Варя всего за неделю конкретно пошатнула мои убеждения. Я чувствую, как все меняется, как все то, что я считал важным, вдруг теряет свою силу. И это меня пугает.

Задумавшись, не сразу замечаю Силантьева. Он с усмешкой присаживается напротив.

— Ну что, старик? Собираешься на пенсию? — подшучивает он, когда видит, что я нервничаю. — Смотри, как ты по дому сидишь, с младенцем нянчишься.

Я вздыхаю и бросаю взгляд на друга. Он, как всегда, умеет вставить игривую ноту, чтобы растормошить. Но теперь это не кажется мне таким уж и смешным.

— Не дожدهшься, — отвечаю я с ухмылкой. Но мысли о Варе, о том, как она выглядывает из кухни, когда я возвращаюсь с работы, никак не уходят из головы.

Силантьев начинает подшучивать, уже зная, что я не слишком рад его реакции на происходящее. Он в курсе, что я стал отцом, и теперь не упускает возможности припомнить, как я всегда уверял, что не верю в «семейные ценности».

— Ты тест-то заново сделал? — спрашивает Силантьев с легким смехом. — Лера — та еще вертихвостка, запросто могла тебе лапши навешать.

— По срокам все сходится, да и пацан похож на меня... вроде... — отвечаю спокойно, хотя внутри я чувствую, как растет сомнение. Я ведь не сделал повторный тест, а Лера и вправду могла купить результат. Что ж, завтра же и займусь этим. Не хочу привыкнуть к роли отца и потом узнать, что я не тот, кто должен быть рядом с этим малышом.

Силантьев хлопает меня по плечу, усмехаясь.

— Вот именно, что вроде!

— Ладно, ты прав. Я сделаю это, — отвечаю я, принимая решение.

Силантьев кивает с улыбкой.

— Вот и я о том же. Надо быть уверенным в своих делах, особенно в таких вопросах. Кстати, я завтра на юг лечу - в самую задницу нашей необъятной Родины, так что на выходных не встретимся. Наберу тебя, как вернусь.

По дороге домой я отдаю распоряжение помощнику организовать новый тест. Уже поздно, но я всё равно чувствую, что не могу успокоиться, пока не получу все ответы. Когда вхожу в квартиру, тишина как-то особенно удушает. Все вокруг кажется слишком пустым. И вдруг, на кухне, я слышу голос Вари.

— Все в порядке? — она выглядывает в прихожую. В зеленых глазах замечаю заботу и беспокойство.

— Да все нормально. Ты не спала?

— Нет, я только что мальчишек покормила. И сама немного проголодалась. Может, вам тоже чай сделать? И блинчики с ужина остались, могу подогреть.

Сразу чувствую, как тепло расплзается по всему телу. Мне приятно, что она ждет меня.

— Было бы чудесно, - прохожу на кухню и сажусь за стол, наблюдая за ловкими движениями Вари.

Тонкий трикотаж на брюках не скрывает ни упругую попу, ни стройные ноги. Засматриваюсь на темные волосы, которые рассыпаются по ее плечам, когда она тянется в шкафчик за чем-то. Какая тонкая у нее талия! Наверное, я запросто могу обхватить ее руками в кольцо.

От этих мыслей становится как-то беспокойно в южном полушарии моего тела.

— Приятного аппетита, Мирон Александрович, — тихо говорит она, ставя чашку передо мной.

А я вдруг понимаю, что больше не могу представить свою жизнь без нее.

Глава 5

Варя

Прошла неделя, как я здесь. Неделя — но мне до сих кажется, что я живу в каком-то странном сне, в котором все одновременно пугает и завораживает.

Квартира Пронина огромная и очень тихая. А еще она какая-то необжитая что ли. Здесь пахнет свежестью и роскошью, но все, как будто на картинке из проекта дизайнера — красиво и бездушно.

Я до сих пор иногда ловлю себя на том, что иду по коридору, ступая осторожно, словно боюсь оставить след. Но постепенно начинаю привыкать к этому тихому роскошеству. И к Марку...

Этот малыш будто всегда был со мной. Я не понимаю, как можно так быстро привязаться к чужому ребенку. Но его запах, его теплое дыхание, то, как он хватается меня за палец крошечными пальчиками... Я уже не делю: где мой Федя, а где он. Одинаково склоняюсь над ними, одинаково тревожусь, если кто-то из них плачет. Только с двумя детьми все сложнее: руки у меня всего две, а малышей — двое. Иногда они словно сговариваются — начинают кричать одновременно, и я мечусь от одного к другому, не зная, кого хватать первым. Бывают минуты, когда кажется, что я сойду с ума от усталости. Но стоит им обоим прижаться ко мне, успокоиться, — и внутри все тает, будто я нашла смысл в этих бесконечных хлопотах.

Но есть и то, о чем я стараюсь не думать. Мирон Александрович.

Слишком часто я думаю о нем. Слышу, как захлопывается дверь вечером — и сердце будто спотыкается. Я замечаю его взгляд — внимательный, иногда усталый, иногда какой-то слишком теплый. И мне становится не по себе. Это неправильно. Я замужем. У меня есть муж, пусть и такой, которого я боюсь. Но все же... Я не имею права даже в мыслях касаться другого мужчины. Тем более такого, как Мирон. Мы из разных миров, и его мир никогда не станет моим.

Телефон надрывается в самый неподходящий момент. Я знаю, кто звонит, даже не глядя на экран. Валера.

— Когда вернешься домой, а? — его голос хриплый, злой. — Или ты решила, что можешь жить без мужа?

— Валера... — у меня перехватывает горло. — Если ты хочешь, чтобы я вернулась, ты должен бросить пить. И еще... я хочу, чтобы ты перестал сомневаться в том, что Федя твой сын.

В трубке раздается злой смешок.

— Ты указывать мне будешь? Варвара, не испытывай судьбу. Не вернешься сейчас же — вышвырну твои тряпки с балкона и подам на развод.

Я сжимаю телефон так, что боюсь как бы он не треснул. В груди что-то хрустит от боли и страха.

— Поступай как знаешь, — выдыхаю я, но голос все равно дрожит.

— Думаешь, спрячешься? — его голос становится холодным, будто чужим. — Я найду тебя. И если рядом окажется какой-то мужик, не обижайся. Обоих похороню.

У меня перехватывает дыхание, вдоль позвоночника разбегаются змейки ледяного страха. Он еще никогда не говорил так...

— Запомни, Варвара, — рычит он в трубку, — по документам Федя — мой сын. Захочу — заберу его у тебя хоть завтра и буду воспитывать так, чтобы ты всю жизнь жалела о своей дурости. Поняла?

Чувствую, как земля уходит из-под ног. Я уже не различаю, дрожит у меня голос или руки. За свою жизнь я не очень боюсь, но при мысли о том, что Валера может навредить Феденьке, к горлу подкатывает тошнота.

Весь день потом идёт наперекосяк. Медсестра приходит брать материал у Марка для ДНК-теста, а я так перепугана из-за звонка Валеры, что даже не соображаю. Она просит ребенка, а я машинально подаю ей Федю. Лишь потом, спохватившись, даю Марка.

— Ничего страшного, — мягко улыбается медсестра. — Все подписывается и все проверяется. Не волнуйтесь, ничего не перепутают.

К вечеру я совсем вымотана. Уронила чашку, бутылочку со сцеженным молоком опрокинула, укачивала мальчишек и вдруг заплакала сама, хотя детки давно уснули. Мне все время кажется, что Валера может появиться здесь, ворваться и устроить скандал. Что Мирон выгонит меня вместе с Федей.

Когда вечером Мирон возвращается, я сразу чувствую его взгляд. Он мгновенно считывает и мою бледность, и дрожащие руки, и скомканный платок.

— Варя, что случилось? — его голос низкий, спокойный, но от него у меня перехватывает дыхание.

— Ничего... все нормально, — пытаюсь улыбнуться, но губы не слушаются.

Он подходит ближе, и от этого «ближе» мне становится страшно.

— Варя. — Он произносит мое имя так, будто требует правды.

Я опускаю глаза, и слезы сами текут по щекам.

— Я боюсь, — шепчу. — Боюсь своего мужа. Он угрожал, что заберет Феденьку... Я не знаю, что делать, Мирон Александрович...

Не успеваю опомниться, как он притягивает меня к себе. Его руки крепко обнимают, так, что мир перестаёт шататься. Большим пальцем стирает слезы с моих щек. И прежде чем я успеваю отстраниться, его губы касаются моих.

Так неожиданно, что я замираю, будто молния ударила прямо в сердце.

А потом отстраняюсь, смотрю на него во все глаза. Внутри у меня все кричит: «Нельзя! Ты замужем! Он твой босс!» Но тело предательски помнит это прикосновение, и от воспоминания у меня кружится голова.

Я прикусываю губу и отвожу взгляд.

Что же теперь будет?..

Глава 6

Мирон

Ее губы...

Они такие мягкие, теплые, пахнут чем-то домашним — чаем с медом, пирогом, едва уловимым ароматом молока. Я не планировал этого. Клянусь, не собирался. Но когда увидел ее слезы и услышал этот тихий, надломленный голос: «*Я боюсь*» — что-то сорвалось во мне. Сколько раз я видел женские слёзы? Десятки, сотни. Но всегда это было где-то в стороне от сердца. А тут... будто ножом полоснули. Будто ее боль прорезала меня изнутри.

Я только хотел вытереть эти мокрые дорожки на ее щеках. Только успокоить, дать понять: она не одна. Но пальцы сами приподняли подбородок, и прежде чем я успел подумать о том, что делаю, я почувствовал вкус ее губ.

И в тот миг я понял, что пропал.

Потому что она ответила. Нерешительно, едва ощутимо — но ответила. И внутри меня все перевернулось. Я хочу большего. Хочу утонуть в ней, вдохнуть ее запах до головокружения, услышать ее стон, почувствовать, как она отдается мне вся, без остатка.

Но Варя отстраняется. Ее глаза — огромные, испуганные, зеленые, как самые дорогие изумруды.

— Мирон Александрович...лучше не надо...

Эти слова как ведро ледяной воды. Сжимаю зубы и отступаю. Она замужем.

И черт возьми, я не имею права целовать ее...

Утром меня будит звонок. Алина- моя секретарша. Я беру трубку — и сердце невольно ускоряет ритм.

— Результаты готовы, проверяйте почту, — говорит она.

Открываю письмо из лаборатории и читаю: *вероятность отцовства 99,99%*.

Облегченно улыбаюсь. Значит, Марк действительно мой сын. Мой. И от этого внутри расправляются крылья.

Я даю новое поручение:

— Мне нужно получить освободить Варвару Гришанову от замужества. Как можно скорее.

В трубке короткое: «Принято». Я знаю: у моих людей нет слова «невозможно».

Когда я вижу Варю вечером, не могу не спросить:

— Ты любишь его?

Она поднимает взгляд, и в ее глазах нет ни капли сомнений.

— Любовь умерла, — тихо говорит она. — Под его оскорблениями и угрозами. Больше ничего нет, кроме страха.

Я чувствую, как в груди становится легче. Словно кто-то снял с меня оковы.

Даю команду юристам — ускорить все максимально. И уже через несколько дней в моем кабинете на стол ложится документ. Свидетельство о разводе.

Я приезжаю домой вечером. Варя встречает меня, как всегда — в домашнем трикотажном платье и чуть смущенной улыбкой. И когда я кладу перед ней папку, она замирает.

— Это... что? — ее голос дрожит.

— Твое освобождение, — отвечаю я. — Ты свободна, Варя.

Она долго смотрит на бумаги, потом на меня. В ее глазах благодарность и что-то еще, глубокое, не произнесенное вслух.

— Спасибо... — выдыхает она.

Я делаю шаг ближе.

— Варя, скажи теперь у тебя нет препятствий, чтобы быть моей девушкой?

Она поднимает на меня взгляд. Зеленые глаза расширяются, в них — удивление, растерянность. И это удивление только сильнее разжигает во мне огонь.

Больше не могу сдерживаться. Беру ее лицо ладонями и целую — жадно, требовательно, так, как хотел с той самой первой минуты, когда коснулся ее губ. Она сначала застывает, потом тает, словно снег под солнцем.

Я увлекаю ее в спальню. Срываю платье, чувствую ее горячее тело под своими ладонями. Она смущается, но не отталкивает. Напротив — отвечает, сама тянется ко мне.

Эта ночь совсем на похожа на мои прежние. В этой ночи есть смысл. Есть тепло, нежность, огонь и что-то, чего я раньше не знал. Держу стройное тело в своих руках и понимаю: я наконец-то дома.

Утром просыпаюсь с необычным ощущением. Прислушиваюсь к себе и с удивлением понимаю, что давно забытое чувство — счастье. Не просто ночь удовольствия, а именно счастье — глубокое и настоящее. Лежу в постели, взглядом скользя по комнате. Все, как всегда, в своем месте. Но ощущение другое. Оно не похоже на все утренние пробуждения, когда просто встаешь, надеваешь костюм и идешь на работу. Нет. Сегодня утром мне хочется просто закрыть глаза и забыться в этом чувстве.

Вчерашняя ночь... вкус ее губ. Все, что было между нами, — не ошиблись ли мы? Я не могу понять, но внутренний голос говорит мне: "Да". Да, мы были правы.

Слышу, как Варя с мальчишками разговаривает в соседней комнате. Спокойно, с любовью, так, как я раньше не замечал у других женщин. Она поет им милые детские песенки, а я чувствую, как ее голос окутывает и меня. Это невероятно успокаивает, заставляет забыться, раствориться в этой гармонии. Варя, как ни странно, становится частью моего мира, и я осознаю, как мне нравится ее забота и спокойствие. Эти моменты с ней — настоящие.

Пока умываюсь, думаю о том, как легко мне стало рядом с ней. Когда она рядом, кажется, что все в этом мире становится на свои места.

Выхожу в столовую, на меня сразу же накатывает запах свежего кофе и... рисовой каши. Черт, как я люблю такой завтрак! Даже в самых дорогих ресторанах я не находил такого простого, но уютного блюда. Вижу, как Варя стоит у стола, немного смущенно улыбаясь, когда замечает меня.

Кухарка спешит выскользнуть, оставляя нас наедине, а я, не теряя времени, подхожу к ней.

— Варя... — я мягко обвиваю ее руками и целую. — Вчера я был серьезен. Ты официально моя девушка.

Варя вздрагивает, щеки мгновенно краснеют. Она робко обнимает меня в ответ, не зная, что сказать. Это кажется настолько естественным, что мне хочется просто держать эту женщину рядом, не отпуская.

Мы садимся за стол, и я чувствую, как Варя постепенно расслабляется. Я же неожиданно для себя решаю, что не собираюсь уходить на работу. Останусь сегодня дома. Пусть я буду не только бизнесменом, но и отцом.

— Слушай, — говорю я, улыбаясь, — давай сегодня проведем день вместе. Буду твоим помощником. Может, погуляем вместе с мальчишками?

Варя смотрит на меня с удивлением, но кивает, и я вижу в ее глазах облегчение.

Осень в этом году какая-то волшебная! Или это из-за присутствия Вари мне так кажется? Смотрю на нее и замечаю, как ей немного не по себе. Чего она стесняется? Меня?

Веду коляску с детьми одной рукой, а другой — держу ее за руку.

Она расслабляется, чувствую, как напряжение исчезает. Мы шагаем по дорожке среди деревьев, и я понимаю, как мне нравится быть здесь, рядом с ней. Это так естественно. Как будто мы всегда шли по этому пути.

Но вот, когда мы приближаемся к выходу из парка, нам навстречу идет женщина. Пожилая, но дорого одетая, с ярко накрашенными губами. Все в ней, от жестов до взгляда, говорит о статусе и уверенности в себе. Холодные серые глаза задерживаются на Варе, и я замечаю, как ее взгляд скользит по ней с интересом. Это раздражает меня. Не знаю почему, но ее внимание к Варе вызывает внутреннюю тревогу.

— Мирон, — женский голос холоден и ровен, словно мы не виделись несколько лет. — Почему не звонишь? Слышала, тебя осчастливили младенцем. Да еще и няней в довесок...

Еле сдерживаю раздражение:

— И я рад тебя видеть, мама.

Она снова сканирует Варю своими ледяными стальными глазами. Я знаю этот взгляд — она всегда искала повод для критики. И теперь, как всегда, она видит Варю не как человека, а как нечто, что стоит у нее на пути. Она всегда была такой, холодной и требовательной.

— Я надеюсь, ты не опустишься для такой банальщины, как завести интрижку с няней, — она говорит это, не скрывая своего высокомерия. В словах сквозит недовольство, как будто ее мировоззрение — это единственное правильное.

— Я давно уже не нуждаюсь ни в твоих советах, ни уж тем более в оценках моих поступков, мама. Всего хорошего.

Демонстративно беру Варвару под локоть и притягиваю к себе.

Мать недовольно поджимает тонкие губы и удаляется, не удостоив ни слова на прощание.

Глава 7

Варя

Я просыпаюсь и понимаю, что в моей жизни наступил момент, которого я не могла даже представить. Я проснулась рядом с ним. С Мироном. В его кровати, с его запахом на подушке, в его объятиях. Он тихо спит рядом, его дыхание ровное и спокойное. Я не могу отвести от него глаз. Он здесь, а я — с ним.

Все, что было до него — это как тень, исчезающая на фоне яркого солнца. Еще немного и я поверю, что это моя сказка. Я, Мирон и дети. Словно в реальной жизни я наконец-то получила то, о чем мечтала.

Тихонько выскальзываю из кровати и спешу к малышам. Они таким милашки и сладко проспали всю ночь, как будто знали, что мне нужно время для другого...

При этих мыслях щеки розовеют.

Меняю мальчишкам подгузники, умываю их и кормлю, напевая им детские песенки. Феденька, как всегда, улыбается, а Марк смотрит на меня серьезными глазками, а потом вдруг тоже начинает несмело улыбаться.

— Ах ты мой хороший! - не удерживаюсь и чмокаю его в сладкую щечку. - Ты узнаешь меня, да?

Переношу малышей в столовую и устраиваю на игровом коврике с подвесным мобилем.

— Варвара, доброе утро. По завтраку будут какие-то пожелания? - учтиво интересуется кухарка. Мне до сих пор неловко давать ей распоряжения, хотя Мирон велел ей и горничной слушаться меня и выполнять все, что я прошу.

— Можете сделать сырники и рисовую кашу? Мирон Александрович их любит.

— Разумеется, - кивает она.

Когда завтрак готов, входит Мирон. Видеть его не в костюме, а в домашней одежде непривычно, и очень волнительно. Потому что так он еще красивее. Только вот была ли эта ночь такой же важной, как и для меня?

— Завтрак готов, приятного аппетита, - желает кухарка и исчезает.

А Мирон обнимает меня и говорит:

— Я вчера был серьезен. Теперь ты моя девушка.

Если возможно от счастья оторваться от земли, то в этот самый момент, я едва не вспарила над полом. Облегчение, смешанное с радостью и любовью к этому мужчине, просто распирает изнутри.

Завтракаем мы, как настоящая семья, а после выходим на прогулку. И вот здесь я вдруг резко замечаю разницу между нами и пытаюсь справиться с чувством стеснения за свою скромную и не модную одежду. Но Мирон идет рядом, держит меня за руку, и все кажется таким естественным. Мы гуляем по парку, и я чувствую, как мир вокруг нас становится ярче, несмотря на все, что было раньше.

Но только я успокаиваюсь, как по мне режет холодный надменный взгляд матери Мирона.

В ее голосе столько яда и презрения, когда она разговаривает с ним, что я невольно съеживаюсь.

Но самое ужасное, что при виде ее Мирон выпускает мою руку, как будто не хочет, чтобы она поняла, что я не няня.

Мне хочется быть невидимой, исчезнуть прямо на месте, но я знаю, что это невозможно. Мирон что-то ей отвечает, коротко, сухо, но я понимаю, что его слова не могут затмить ее презрение. Они обменялись парой фраз, и этого было достаточно, чтобы я почувствовала свою незначительность. Я не из их мира. Я даже не должна быть здесь. Он — совсем другой.

— Пора кормить малышей, — говорю я, пытаюсь вернуть себя в реальность, когда его мать уходит, обдав нас удушающе-сладким парфюмом. Моя рука автоматически тянется к коляске. — Пойдемте домой.

Мирон кивает и отвлекается на телефонный звонок. Кожей чувствую, как он отстраняется, и мне становится неприятно от этого. Мы идем молча.

Дома переодеваю малышей, кормлю их, и все это — как в тумане. Я не чувствую радости от того, что рядом с нами Мирон. Вместо этого я чувствую холод в душе. Его мать все испортила. Я не буду частью его мира, сколько бы он ни говорил мне другое. Мы слишком далеки.

Но вдруг я ощущаю его руки на своих плечах. Он подходит ко мне, обнимает, и я не могу скрыть слез, которые появляются на глазах. Он не говорит ничего, просто держит меня, и его объятия дают мне больше, чем любые слова.

— Варя, — его голос звучит уверенно, но с мягким теплом, — забудь все, что сегодня было в парке. Ты теперь часть моей жизни. Мне плевать на то, что думает моя мать, я взрослый и больше не нахожусь под ее влиянием.

Я не могу больше сдерживаться. Плачу, но не от страха или боли. От того, что я наконец-то верю в то, что “мы” — моя новая реальность.

— А завтра у нас запланирован шопинг, — говорит он, когда я успокаиваюсь. — Для тебя и для мальчишек. Опустошим все торговые центры, — смеется он, увлекая меня в спальню.

Мальчишки спят после прогулки, и я позволяю себе забыть обо всех сомнениях. Мы снова занимаемся любовью. Тот момент, когда мы вновь сливаемся в одно целое, когда мир вокруг нас исчезает, и остаемся только мы вдвоем. Я наконец-то верю в сказку. В ту сказку, где я — его женщина, а он — мой мужчина. И я не боюсь этого. Я знаю, что это мой выбор, и я не отпущу его.

Глава 8

Варя

Прошло уже два месяца, как мы с Федей живем в доме Мирона. Два месяца, как я каждое утро просыпаюсь не в своей старой квартире под вечные оскорбления мужа, а в просторной светлой комнате с окнами на парк. Два месяца, как Марк стал для меня почти родным, как будто у меня теперь двое сыновей, одинаково любимых и одинаково важных.

Мирон заботится о нас так, что иногда я ловлю себя на мысли: все это слишком похоже на сказку. Слишком красиво, чтобы быть правдой.

Утро всегда начинается одинаково — мы завтракаем вместе: мальчишки уже умеют сидеть на высоких стульчиках, у каждого своя мисочка с кашей и ложка, которой они упорно машут в разные стороны, пачкая скатерть и себя с головы до ног. Федя смеется, когда Марк вываливает половину каши на пол, а Марк громко возмущается, если Федя окунает в свою кашку игрушечный трактор. Я то подтираю пол, то ловлю упрямые ложки, то глажу обоих по головам, и в эти моменты понимаю, что это и есть настоящее материнство.

Мирон наблюдает за нами с улыбкой. Потом он обязательно целует мальчишек в макушки, берет мою ладонь, сжимает ее чуть дольше, чем нужно, и только тогда уходит на работу. И я ловлю себя на том, что жду его возвращения так же, как когда-то — звонков от любимого человека в студенчестве.

А вечерами он возвращается, и вся усталость, которую можно прочесть в его глазах, словно растворяется, когда он подхватывает мальчишек на руки. Подбрасывает их вверх и слушает их смех.

По выходным Мирон устраивает нам праздники. Мы гуляем в парке, и я все еще не могу привыкнуть, как на нас смотрят люди: как на картинку из журнала. В ресторанах и отелях мальчишек принимают как маленьких принцев, официанты улыбаются им с особым почтением, а я сижу напротив и думаю: неужели это все со мной?

Я улыбаюсь, я счастлива, но где-то глубоко внутри поселился страх. Тот самый, липкий, назойливый, от которого невозможно избавиться. Он шепчет мне на ухо: «Не верь. Счастье не бывает безоблачным. Обязательно что-то разрушит это тепло». Я гоню его, но ночью, когда сижу у кровати Феде или поправляю одеяло Марку, он возвращается.

И становится громче после встречи с Леной.

Мы столкнулись случайно, в парке. Она гуляла с дочкой, маленькой копией самой себя, с теми же карими глазами и ямочками на щеках. Мы не виделись со времен университета, и я почувствовала, как радость пронзает меня, когда я узнала ее.

— Варя?! Неужели это ты? — воскликнула она, и я, смеясь, обняла ее.

Мы болтали, как раньше, как будто и не было этих лет. Лена расспрашивала, удивлялась, ахала, когда я рассказала, что после развода оказалась в доме Мирона, что теперь живу с ним, что у мальчишек самые лучшие игрушки и одежда, что я снова чувствую себя женщиной, а не загнанной лошастью. Она слушала, кивала, улыбалась, но в ее глазах я видела то, чего боюсь сама: недоверие.

Слишком уж невероятно звучит моя новая жизнь. Слишком уж сказочно.

Через неделю Мирон уехал в командировку. И именно в его отсутствие случается то, чего я боялась больше всего.

М

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.